

© 2012 г. Л.В. Драгалева
УДК 81

**ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК РЕЧЕВОЕ СРЕДСТВО
МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНТРАСТА В ИДИОСТИЛЕ
БОРИСА ПОПЛАВСКОГО**

В рамках нашей статьи мы используем термин «противоречие» для установления в рамках синтаксической конструкции двух пропозиций со сходным содержанием, которые различаются в отношении их полярности. Данные пропозиции могут и не могут быть совместимыми [1]. В данном случае в тексте выявляются «скрытые компоненты, требующие особой интерпретации, основывающейся не столько на рациональных действиях, сколько на интуиции» [2. с. 295]. Противоречие в художественном дискурсе Б. Поплавского не может быть интерпретировано с опорой на логические термины, так как оно не сводится к отношениям между двумя пропозициями и выявляет конфликт, который и является основой актуализации противоречия.

В тексте наблюдается отождествление не тождественного с целью их противопоставления, вскрывается глубинная диалектика противопоставляемых понятий, что формирует в прозе Б. Поплавского особое «сцепление мыслей». На наш взгляд, в основе художественного конструирования противоречия заложено происходящее на глубинном уровне текста субъективное переосмысление признаковой сферы объекта речи в комплексе «объект речи и его статические и процессуальные признаки». Это порождает эффект смещения семантических компонентов, присущих признакам объекта речи. Результаты авторского перераспределения семантических компонентов, которыми наделены признаки субъекта речи, актуализуются в лексической структуре текста в позициях не нормативных для выражения семантики объективной характеристики объекта речи, а сдвинутых относительно лексического окружения.

Как следствие между признаковыми (постоянными и процессуальными) характеристиками объекта речи моделируется противоречие, которое выражается в ослаблении семного согласования элементов высказывания. Данное противоречие можно охарактеризовать как противоречие значений смещенного определения объекта речи в данном контекстуальном окружении. Например: (1) «Еще *трезвы* все, *хоть и пьяны, веселы, хоть и грустны, добры, хоть и злы, социалисты, хоть и монархисты, богомилы, хоть и Писаревы*... [3. с. 56]. Подобные построения в художественном дискурсе Б. Поплавского оказываются сампорождающей смысловой системой, выстраивающей парадоксальную семантическую линию, которая моделируется параллельно с нормативной семантикой слова. Смысл, выявляемый в результате интерпретации противоречия, обнаруживается во множестве модальностей, которое в процессе читательского восприятия не поддается ранжированию по шкале «хорошо–плохо». Он принимается читателями в том виде, в котором словесно представлен в тексте.

Как представляется, противоречивая конструкция моделируется автором для того, чтобы читатель увидел в ней «не–норму» как статический признак особого положения вещей эмигрантского мира, как константное свойство этого мира, а не только свойство сознания его представителей. В одновременном обнаружении антонимичных свойств в одном и том же объекте речи (*трезвы – пьяны, веселы – грустны, добры – злы, социалисты – монархисты, богомилы – Писаревы*) автор сталкивает разные системы правил. «В естественном мире природы и языка нормативность помогает обнаружить норму и правило», – пишет Н.Д. Арутюнова [4. с. 16]. Читательское восприятие фиксирует аномальные явления в тексте, отделяет их от фона. Семантическая рассогласованность признаков, присущих объекту речи в едином темпоральном измерении, является информативной для читателя уже потому, что не сливается с общим фоном повествования: в терминах данной рассогласованности автором осмысливаются эмоциональные понятия, качественные признаки, характеристики социальной жизни первой волны русской эмиграции.

Денотативная специфика двух словоформ, обозначающих противоречивые качества объекта речи, отображающих общую ситуацию взаимодействия и противодействия участников эмигрантского социума, предполагает в тексте Б. Поплавского наличие в сочетаемости словоформ семантики «препят-

стве», выражаемого союзом *хотя*. Вторая словоформа моделирует препятствие для полной реализации качества, передаваемого первой словоформой (*трезвы, хотя пьяны* и т.д.).

Приписывая идее препятствия универсальный характер, Н.К. Рябцева пишет: «Представлении о препятствии – в некотором роде миропорождающий концепт, его «след» можно уловить ... в целом ряде значений, смыслов, понятий, оборотов и конструкций, которые он тем самым объединяет и вводит представление о целенаправленной деятельности, делая его более содержательным и законченным. Можно даже сказать, что он позволяет осмыслять саму жизнь как некоторое телеологически связанное явление» [5. с. 214]. Препятствие с точки зрения семантики совмещаемых антонимичных единиц создает в тексте Б. Поплавского эффект многопланового видения «тем больше, чем больше глубина залегания исключаящих друг друга смыслов в семантических структурах сочетающихся единиц» [6. с. 90].

Парадоксальность высказывания усиливается, когда его противоречивая сущность выявляет препятствие, которое в дискурсивном плане регулирует качество сообщаемой информации через отнесенность однокоренных антонимов к разным виртуальным мирам объектов речи. Ср.: (2) «*Поорав, устали, загрустили, нестройно, не в лад запели, перебивая друг друга, кое–как устроившись дружески, недружески приминая женщин, задремали...*» [7. с. 267]. В данном примере выделенные пропозиции могут быть описаны как противоречивые, даже если форма языкового выражения данных пропозиций не является идентичной. Пропозиция, выраженная отрицательной конструкцией, реализует прагматическую функцию «перенаправления» текущего дискурса, что заставляет читателя симультанно воспринимать информацию, основывающуюся на связях, не попадавших ранее в поле зрения. Одновременно данная пропозиция косвенно выявляет препятствие для гармоничного общения представителей эмигрантской общности, соприсутствия в их мире утверждения и отрицания, желаемого и действительного, эмпирического и метафизического. Читатель интерпретирует две противоречивые сущности как действенные в двух различных доменах, двух виртуальных мирах объекта речи.

В художественном дискурсе Б. Поплавского также встречаются противоречия, которые, возможно, являются неразрешимыми. Ср.: (3) «*Ах, лю-*

бовь, ты опять **не веришь в любовь. Прощенье, не ждешь прощенья**» [3. с. 36]; (4) «По дороге Безобразов показал нам свою картинную галерею, ... в которой **не было ни одной картины...**» [3. с. 122]; (5) «...и все было, было, было, и нечего не запомнило мертвое место – стык четырех углов и тысяч судеб... Усталость стали; камень **не в силах сохранять твердость**; вода **не в силах течь**; огонь **не в силах жечь**. Внезапная призрачность мира, прозевавшего свою реальность» [7. с. 363]. В данных случаях чистое противоречие обладает намеренным характером. Оно является ключевым для целостного понимания художественного дискурса Б. Поплавского, доминирование противоречий в котором отражено уже в заглавиях романов. Чистое противоречие предстает для автора метафорой, поскольку репрезентирует соответствующую логику, которая управляет художественным миром, конструирует своеобразную закрытую систему, не предоставляющую персонажам свободы выбора.

Порождается синтаксическая конструкция, обладающая стереотипной грамматической организацией, но в семантическом плане характеризующаяся нарушением нормативного принципа семной согласованности слов в составе художественного высказывания. Непосредственным прагматическим основанием подобного противоречия выступает семантическое смещение, которое обусловлено авторским субъективным переосмыслением отношений предмета и его константных признаков и обнаруживается на смысловом уровне текста, на уровне креативности авторского мышления.

Явно или косвенно выраженное отрицание в прозе Б. Поплавского может формировать контрадикторные высказывания за счет семантического смещения, реализуемого на лексико–грамматическом уровне. В этом случае наблюдается переподчинение определения и полная транспозиция, т.е. «перевод слова из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи» [8. с. 519]. Ср.: (6) «**В комнате, снова до боли поразившей Олега адской грубостью своих красных клетчатых обоев, всем бездонным метафизическим унижением отдельного ничто и никто, оба ... повалились на кровать...**» [7. с. 302]; (7) «...к Олегу вернулась вдруг **абсолютно мертвая ясность, беспощадная зрительная четкость полнейшего отсутствия...**» [7. с. 346]. В приведенных примерах транспозиция происходит посредством субстантивации прилагательных унизи-

тельный (унизительным отдельным ничто и никто), *ясный, четкий* (ясное, четкое отсутствие). При переподчинении прилагательные *отдельный, полнейший* становятся определением не зависимых существительных в сложных словосочетаниях, а главного – «*отдельным унизительным ничто и никто*»; «*полнейшее ясное и четкое отсутствие*». В связи с субъективным переосмыслением моделируемой ситуации на поверхностном уровне текста наблюдается лексико–грамматическая модификация компонентов анализируемых словосочетаний, видоизменяется их лексико–грамматическое соотношение. В результате порождается противоречие значений смещенных определений *отдельный, полнейший* и грамматических определяемых *унижение, ясность, четкость*, что обуславливает комбинаторную ненормативность конструкций *унижением отдельного ничто и никто, ясность, четкость полнейшего отсутствия*. Подобное семантико–грамматическое противоречие свидетельствует о деавтоматизме его порождения. Подавление автоматизма восприятия противоречий, нарушающих стереотипность восприятия высказываний, подчеркивает творческий характер данных процессов.

Выявив функциональную нагрузку противоречия в художественном тексте Бориса Поплавского, мы определили, что оно играет решающую роль в выражении внутреннего конфликта персонажа. Данный конфликт обладает двумя манифестациями, каждая из которых связана с одной из общих дискурсивных функций отрицания – «перенаправление» текущего хода художественного дискурса или его блокирование. Выполняя функцию «перенаправления» текущего хода дискурса в иное смысловое русло, противоречие порождает конфликт между информацией, которая является актуальной в данный момент повествования, и тем, что в этот же момент признают, ожидают различные персонажи. В других случаях факты, которые предварительно были представлены как истинные, впоследствии оказываются ложными.

С лингвистической точки зрения конфликт конструируется посредством отрицания читательских ожиданий и априорных установок, которое извлекается из нарративного и описательного дискурса, а также фреймов читательских знаний, которые задействуются в процессе интерпретации текста. Другими словами, противоречие модифицирует другие подмиры художественного дискурса, такие как модальные и гипотетические домены, которые воспри-

нимаются как реальные отдельными персонажами, не смотря на их нефактуальность. Актуализируется поэтика «совпадения противоположностей».

Противоречие в идиостиле Б. Поплавского служит частотным средством выдвижения несобытийности в ситуациях, в которых данная несобытийность идет вразрез с читательскими ожиданиями и априорными установками относительно того, что представляется актуальным в данный момент повествования, и что действительно является актуальным в соответствии с типичными моделями читательского опыта. При этом контраст позиционируется на иррациональном объекте, а скрытая оценка выступает как важная часть авторского замысла, направленного на то, чтобы разрушить стереотипы читательского восприятия.

Отрицание информации, которая была предварительно актуализована в текстуальном мире, порождает дестабилизирующий эффект. В связи с этим вопрос о реальности объективного мира, который постоянно возникает в когнитивном сознании персонажей, принижает их способность различать в этом мире то, что действительно является реальным, и то, что предстает виртуальным. На лингвистическом уровне данный конфликт моделируется посредством противопоставления утвердительных и отрицательных высказываний.

В процессе реализации функции блокирования текущей информации отрицание на уровне художественного дискурса Б. Поплавского порождает структуры, которые манифестируют противоречие. Частотное использование данных структур в идиостиле Б. Поплавского выявляет второй тип конфликта, актуализуемого в художественном мире автора, который имеет непосредственное отношение к несовпадению логики реального мира и логики виртуального мира персонажей. Контраст в художественном дискурсе Б. Поплавского может трактоваться как ссылка на «второй информативный слой текста» [9]. Интерпретируя данный слой текста, читатель соотносит прочитанное с некими возможными мирами, привлекая как собственный опыт и знания, так и воображение.

В рамках идиостиля Б. Поплавского отрицательные конструкции порождают уникальную модель художественного дискурса, производя два прагматических эффекта. С одной стороны, высказывания с негацией, которые служат средством выдвижения несобытийной информации, косвенно указывают на преобладание в когнитивном сознании персонажей не объективного, а вирту-

ального мира. Герои Б. Поплавского живут в большей степени внутренними ощущениями, нежели объективными событиями. При этом эстетическая оценка в ментальной сфере персонажей, основываясь на эмоциональности, отличается от соответствующей оценки физического мира. В ментальной сфере персонажей Б. Поплавского, которой не наблюдается единства формы и содержания ментального объекта, эмоциональное синтезируется как рациональное.

Б. Поплавский запечатлел своих персонажей «на полпути» между неспособностью к адекватной интерпретации эмигрантской действительности и «логическими ловушками» институализированного поведения персонажей в данной действительности. В отношении теоретической модели, предложенной в данной публикации для анализа противоречия, можно сделать следующие замечания. Модель текстуального мира в исследовании роли противоречия в моделировании контраста оказалась достаточно продуктивной в силу следующих причин. Когнитивные основания данной модели дают возможность исследователю сфокусироваться на когнитивных характеристиках противоречия в художественном дискурсе. Прагматическая мотивация авторского выбора отрицательных конструкций со значением противоречия обладает когнитивными основаниями и является ключевой для понимания импликаций данного выбора, не совпадающих с читательскими ожиданиями и априорными установками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова Н.А. Противоречие как конструктивно-семантический прием в языке поэзии Игоря Северянина: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2003.
2. Синельникова Л.Н. Правда и ложь противоречивых высказываний // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Т. 19 (58). № 5.
3. Поплавский Б. Аполлон Безобразов // Поплавский Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. М., 2000.

4. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
5. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
6. Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
7. Поплавский Б. Домой с небес // Поплавский Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. М., 2000.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
9. Усминская Н.А., Усминский О.И. Вопрос об аллюзивных гипотезах: выдвижение и доказательства // Герменевтика в гуманитарном знании: Материалы междунар. научно-практ. конф. СПб., 2004.

L I T E R A T U R E

1. Maksimova N.A. Protivorechie kak konstruktivnosemanticheskii priem v yazyke poezii Igorya Severyanina: avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 2003.
2. Sinel'nikova L.N. Pravda i lozh' protivorechivyh vyskazyvaniy // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya». T. 19 (58). ¹ 5.
3. Poplavskii B. Apollon Bezobrazov // Poplavskii B. Sobraie sochinenii: V 3 t. T. 2.: Apollon Bezobrazov. Domoi s nebes: Romany. M., 2000.
4. Arutyunova N.D. Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoii «kartiny mira») // Voprosy yazykoznaniiya. 1987. ¹ 3.
5. Ryabceva N.K. Yazyk i estestvennyi intellekt. M., 2005.
6. Apresyan Yu.D. Tavtologicheskie i kontradiktornye anomalii // Problemy intensional'nyh i pragmaticheskikh kontekstov. M., 1989.
7. Poplavskii B. Domoi s nebes // Poplavskii B. Sobraie sochinenii: V 3 t. T. 2.: Apollon Bezobrazov. Domoi s nebes: Romany. M., 2000.
8. Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar'. M., 1990.

9. Usminskaya N.A., Usminskii O.I. Vopros ob allyuzivnyh gipotezah: vydvizhenie i dokazatel'stva // Germenevtika v gumanitarnom znanii: Matly mezhdunar. nauchn.prakt. konf. SPb., 2004.

Педагогический институт

Южного федерального университета

6 апреля 2012 г.
